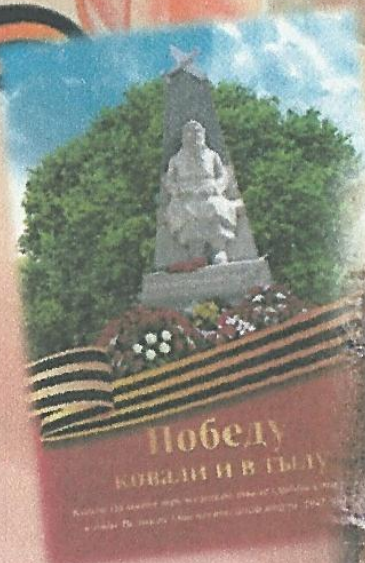

22 июня – День памяти и скорби

**Память нашу
не стереть с годами**

Стихи, воспоминания
о военном и послевоенном времени
жителей Орды

Память нашу не стереть с годами: стихи, воспоминания о военном и послевоенном времени жителей Орды / Сост. И.И. Тимофеева, Г.П. Феденёва; МБУ «Межпоселенческая центральная библиотека». – Орда, 2017. – 34 с.

Сегодня за окошком тишина,
Зелёную листву колышет ветер.
В такой же майский день закончилась война,
И вся страна узнала о победе!
Победа! И не нужно больше ничего,
И радость заслонила всё на свете!
А слёзы на глазах, наверно, оттого,
Что в мирном небе солнце ярко светит!
Погибшие друзья, сгоревшие мечты...
Вновь ветеранам бой приснится на рассвете.
Но, как и в сорок пятом, счастливы они,
Что солнце нынче в мирном небе светит!

Наталья Каравашкова

Ветеран войны Мария Васильевна Лобанова (слева)
Труженик тыла Нина Дмитриевна Трясцина (в центре)
Фото: Д.Зелёнкин, «Верный путь»

Вклад Ординского района в Победу над фашизмом (языком цифр)

- ★ 5402 человека из района ушли на фронт
- ★ 2950 человек не вернулись с войны
- ★ 1808 человек награждены орденами и медалями
- ★ Герой Советского Союза **Веденьков Валерий Леонидович** (уроженец с.Орда, погиб в бою в 1943 году, уничтожив около роты гитлеровцев)

Полные кавалеры ордена Славы:

- ★ **Малышев Иван Михайлович** (с.2Ключики)
- ★ **Балабанов (Суфиев) Николай Михайлович** (с.М.Ашап)
- ★ Население района пожертвовало 1,5 млн. руб. деньгами, 0,5 млн. руб. облигациями, 10000 тёплых вещей, свыше 5000 пудов продуктов

Александр Иванович Пахтусов Дядя Миша

Война. Махры ему набрали,
Да сухарей — и в узелок.
И долго, долго писем ждали
С далёких фронтовых дорог.

Но ни письма, конвертик
тонкий, —
Не возвратился сам в село,
Ни даже чёрной похоронки
Оттуда, с фронта не пришло.

Война окончена навеки,
И снова пахарь в полосе,
Но в каждом страннике-калеке
Тебя узнать пытались все.

Скажи же, сердце изболело,
В немецком, русском ли селе
Твоё не узнанное тело
В какой схоронено земле?

У стен Москвы ли, Ленинграда,
Штыком ли, пулею сражён,
Или в бараках Бухенвальда
Избит, расстрелян и сожжён?

Мне нет покоя. В День Победы
Я павших слышу голоса...
Так где ты, дядя Миша, где ты?
.....
Шумят российские леса

Басанова Татьяна Ивановна

С весны до осени трудилась в поле. Выращивали пшеницу, гречиху, рожь, картошку и лён. Заготавливали сено и солому. Очень много было ручного труда. Косы да серпы, грабли да вилы – вот и вся основная механизация.

Зимой Татьяна работала телятницей. Воду носили из проруби с Банновского озера. Грели её для телят. Раздавали корма – сено или солому – только вручную. Навоз вывозили на быке или впрягались сами по несколько телятниц.

Две зимы Татьяна Ивановна отработала на лесозаготовках на станции Чад. Туда и обратно нужно было добираться пешком и в осеннюю слякоть и в весеннее половодье. А это около сотни километров в один конец. В худых лаптях. Голодом. Работали как в Гулаге. Жили в огромных холодных бараках, где была одна печка посередине на сотню человек. Утром приходилось одевать непросохшую за ночь одежду и обуваться в сырые лапти. Без медицинской помощи умирали от болезней. Не имея опыта работы в лесу, некоторые погибали под падающими деревьями.

К концу войны от непосильного труда и постоянного голодания двадцатипятилетняя, маленького росточка девушка так ослабела, что её вынужденно направили работать нянечкой в детсад. Но и там был голод. Все - и ребятишки, и взрослые - с нетерпением ждали весны, чтобы вволю наестся горчучками, крапивой и прочими травами.

За все время войны Басанова ни разу не наелась досыта. Она мечтала, что после победы непременно наестся вволю белого хлеба.

Её девизом все это время были такие слова: нам легче - над нами бомбы не свистят. За долгие годы работы в сельском хозяйстве в качестве рядовой колхозницы, а особенно сказались годы войны, Басанова Татьяна Ивановна очень рано, уже к сорока годам, стала инвалидом труда.

Сын Владимир

Безукладникова (Шерстобитова) Надежда Ивановна

В первые дни войны её мужа Егора Константиновича призвали защищать Родину, а в декабре 1941 года пришла похоронка, рядовой стрелок пропал без вести под городом Мурманском. Семья осталась без кормильца. Надежде Ивановне пришлось идти работать в колхоз «Светлый Ключ» дояркой, и проработала она в этой должности девятнадцать лет.

Группа коров пятнадцать голов. Весь труд был вручную: накормить, напоить, подоить, убрать навоз (выбрасывали в окна). Воду доставали из колодца. В летнее время стадо отправляли в лагерь, в поле на волю, который находился в Плоском. Там был домик для ухаживающего персонала, а для коров изгородь, чтоб ночью коровушки спокойно отдыхали. Но их нужно было охранять, периодически посматривать, ибо вокруг был лес.

Доярки по очереди пасли коров, возили молоко на сырзавод в Орду на телеге, запряжённой лошадейю за десять километров. Никаких подменных не было. Рабочий день начинался в 6 часов утра и заканчивался в 9 вечера.

Надежда Ивановна за добросовестный труд побывала в Москве на

выставке ВДНХ.

Самоотверженный труд не прошёл даром. Здоровье было потеряно. Надежде Ивановне пришлось восемь лет быть прикованной к кровати, отказали ноги.

Сноха Безукладникова Людмила Фёдоровна

Варзакова (Булышева) Анастасия Иосифовна

Война застала Анастасию Иосифовну в Белорусской ССР по месту службы мужа. Вместе с сыном и матерью под бомбёжками возвращается в село Телёс, Уинского района, к родителям мужа. В 1942 году поступает на заочное отделение Кунгурского педучилища и заканчивает его.

29 ноября родила второго сына Валерия. От мужа не было ни каких известий, но после войны он живой и невредимый возвращается домой. Дальнейшая жизнь у супругов не складывается и на фотографии, где она вместе с мужем сфотографировалась 23 мая 1941 года в Лонжу (Белоруссия) она позднее пишет:

«Нас с тобою война разлучила.
По дорогам войны мы прошли,
После долгой и тяжкой разлуки
Друг друга уже не нашли».

Курбатов Александр Николаевич

17 сентября 1939 г. призван на действительную военную службу. Жена Екатерина Ивановна в то время была беременна вторым ребёнком. Уезжая на службу, наказал: «Если родится сын назвать Павлом, дочь Лидией». 13 марта 1940 года родилась я.

Александр Николаевич воевал в составе 581 гаубичного артполка автомехаником. С 5 июля по 20 октября 1941 в боях полк попал в

окружение, и Александр Николаевич попадает в 236 лагерь военнопленных.

После освобождения в июне 1945 г. продолжил службу в Германии, в 390-той отдельной стрелковой роте. В мае 1946 года демобилизовался и вернулся домой.

Сноха и дочь Лидия Александровна Варзакова

Вахрушев Иван Сидорович

Родился 19 декабря 1919 года в д.Курилы Кунгурского района. Участник войны с 1942 года. Награждён орденом Отечественной войны 2-ой степени, медалями. После войны работал на комбинате «Уральский камнерез» слесарем. С женой Евдокией Фёдоровной вырастили десятерых детей.

«В жизни всё сумел, да и умею делать: вырастить десять детей, защитить Родину, управлять танком, трактором, мотоциклом, отбить литовку, сплести корзинку и сочинить частушку. Вот такой я – Иван Вахрушев».

Гришина (Астафьева) Зоя Васильевна

Мама Зои Васильевны в военное время работала за крепкого мужика, пахала на лошадях, сеяла вручную из лукошка и порой даже не раздеваясь, ложилась на несколько часов отдохнуть, а с зарёй снова на работу. Она всегда была на самых трудных работах. В зимний период подвозила на лошадях корма с полей к фермам и конным дворам.

Её отец с первых дней войны был на фронте. В августе 1941-го он был тяжело ранен, долгое время лежал в госпиталях, потом вернулся домой. Когда немножко поправился, работал бригадиром. В начале 1944-го года вновь был призван в трудовую армию. Находился в городе Серове, на военном заводе. Домой демобилизовался в ноябре 1946-го года и вновь работал в колхозе. Во время войны председатели колхоза часто менялись, кого-то забирали на фронт, других в трудовую армию на заводы.

Ребятишки болели от истощения. Зимними вечерами женщины и девушки пряли, вязали носки и варежки для фронта.

Девять классов Зоя закончила в 1941 году. С началом войны были призваны в армию директор школы и все учителя-мужчины.

Когда начался новый учебный год, все учащиеся старших классов вместе с классными руководителями работали по колхозам на уборке урожая. Вязали снопы за жатками, молотили, копали картошку. Директором школы была назначена Еркина Мария Андреевна, а

завучем Громаковская Янина Викторовна. В классах в зимнее время было очень холодно, занимались в пальто. Зима 1942 была холодной, температура стояла 40 -45 градусов. В такую погоду занятия отменялись. Общежития при школе не было. Приходилось жить на квартирах, порой вечерами не было свету. Хозяйки разрешали только небольшие коптилки зажигать на час или два.

Десять классов закончила в 1942 году, мальчишек из 10 класса забрали в армию, остались только несколько мальчиков. Живыми с войны вернулись только трое Кобелев Коля, Кузнецов Петя и Ушаков Толя. Летом 1942 года Ординскую школу забрали под госпиталь. После окончания 10-го класса Зоя сразу устроилась работать в Ординский райфинотдел налоговым агентом по Журавлёвскому с/совету.

В конце июля Ординским Райвоенкоматом её мобилизовали на курсы санинструкторов, которые были организованы в с.Орда. Сначала занимались в Зареченской начальной школе, а когда начался новый учебный год, их разместили в Ординском районном клубе (в церкви) в библиотечных кабинетах.

В госпитале практически показывали на раненых, как делать перевязки головы, рук, ног, живота и др. Военрук помимо теории практически показывал, как действовать при наступлении, отступлении, при форсировании рек, учил ползать по-пластунски. Нашу реку много раз переплывали в одежде и дальше шли «в наступление». У всех имелись «автоматы» - деревянные трещотки. Ходили на дальние расстояния до села Уинское, Грызаны и др. населенные пункты. Рассказывали и показывали, как правильно наворачнуть портянки, чтобы не натереть ноги при длительных дальних походах. Режим в лагере был военный согласно уставу, отлучек без разрешения начальника лагеря не позволялось. Ходили только строем, в одиночку не разрешалось. После окончания трёхмесячных курсов многие девочки были призваны в армию, а Зоя была отправлена работать на прежнее место в Райфинотдел, а затем в Минзаг на должность агента по заготовкам сельхозпродуктов. Люди жили так плохо, что им самим-то нечего есть, а продукты (мясо, молоко, яйца, шерсть, кожи) нужно чего-бы это ни стоило сдать к указанному в обязательстве сроку.

После освобождения Белоруссии Зоя сопровождала в Витебскую область с.Царицыно тяжелораненого капитана Цива Ивана Терентьевича. Он после ранения лечился в госпитале в Перми, а на долечивании находился в нашем районе на Берёзовой горе. Везли их в товарных вагонах. Когда немцы отступали, то сожгли все деревни и

сёла, стояли только обгорелые столбы, на которых прибиты дощечки с названиями населённых пунктов. Всюду было безлюдно, пусто, лишь обгорелые печные трубы напоминали о жизни этих деревень и сёл. Горело всё: хлеба, леса...

Её будущий муж Гришин Иван Михайлович воевал на фронте.

Зоя Васильевна умерла 22 августа 2005 года. Гришин Иван Михайлович умер 9 мая 2004 года.

Татьяна Ивановна Ложкина, дочь

Громаковская Янина Викторовна

Моя Прабабушка - приехала в Орду в 1939г. девятнадцатилетней девчонкой, преподавать русский язык и литературу в Ординскую среднюю школу после учебы в учительском институте в городе Молотов. А через два года началась война. Практически все мужчины - учителя ушли на фронт. В первые дни после объявления войны призвали и выпускников - мальчиков из 10 класса Ординской школы, в том числе и моего прадеда. Женщины заменили ушедших на войну мужчин и у школьной доски. Бабушке пришлось даже около 2 лет исполнять обязанности директора школы, совмещая их с педагогической работой по специальности. Школа тогда освещалась керосиновыми лампами, классы отапливались печами. И керосин и дрова были в большом дефиците. Бумаги остро не хватало, дети писали на полях старых газет. Писали тогда металлическими перьями, закрепленными в деревянных ручках, окуная их в чернила. В классах зимой нередко было так холодно, что замерзали чернила. Дрова заготавливали сами. Бабушке приходилось нередко одной ездить в лес на лошади, запряжённой в сани, за дровами для школы.

Долгие военные годы учёбу дети и учителя совмещали с работой в колхозе, помогали работать старшим в поле и на фермах - сажали и копали картошку, вязали снопы, дёргали лён, убирали овощи, работали на сенокосе. Время было голодное, поэтому такую радость доставлял обед на полевом стане после работы - простая миска похлёбки или каши с ломтем божественного хлеба. Весной и осенью в любую погоду после уроков в школе бабушка меняла единственные туфельки на лапти и шла со своим классом работать в колхоз.

Вот так в каждодневной работе и заботах и наступил победный май 1945 года. Бабушка рассказывала, что радость от вести о победе была такой, что слов для описания её просто не подобрать. Было всеобщее ликование, которое только омрачалось пониманием - не всем довелось дожить до этого безмерного счастья.

Михаил Романов

Игошева (Горбунова) Любовь Макаровна

Мы так же страдали от голода. В колхозе на трудодни давали очень мало зерна и поэтому его всегда не хватало. Мама с нашим братом вскапывали огород и сеяли ячмень. Потом его жали, выколачивали зерно. Получалась крупа, но она была вместе с мякиной. Из этого зерна варили кашу, она от мякины была колючая, и от этого сильно болел живот. Но даже такой крупы было мало, поэтому всегда хотелось есть.

Мама с раннего утра и до поздней ночи была на работе. Она работала на разных работах, куда пошлют. В колхозе была овечья ферма, и овец надо было сдавать государству на мясо для фронта. Такое стадо надо было гнать за 60 км в город Верещагино, чтобы там их закололи, и отправили по железной дороге на фронт. Наша мама с другими женщинами несколько раз гоняла такие стада. На это уходило две недели. Всё это время мы жили одни, сидели и плакали, нам было страшно, скучно без мамы. Мы всё время были голодные, дома было холодно. Работала мама и на ферме, и на конном дворе, и в поле, и на сушилке. Выходных дней не было.

Лошадей в колхозе было мало, и все они были очень худые, некоторые даже падали. Мы видели, как одна лошадь упала и не могла подняться, хотя пыталась встать. Её хлестали верёвкой, у неё из глаз текли слезы, но встать она не могла. Пахали даже на коровах. Летом все были на лугах – косили, гребли, копнили, метали в стога. Все большие и маленькие были в делах. А зимой женщины были вынуждены заготавливать в лесу дрова, для школы и фельдшерского пункта. Пилили их ручной пилой, кололи и подвозили к школе. Дрова были сырые, горели плохо, поэтому в школе было холодно, все сидели в одежде. Колхоз для школы выдавал немного муки, и для учащихся варили похлёбку с картошкой и мучной болтушкой. На новогодний праздник нам сварили такую мучную болтушку со свёклой и сказали, что это компот. Мы были очень рады, и нам показалось это вкусно.

Один раз в колхозе околела лошадь, её докололи и разделили всем по куску мяса. Все ели это мясо, потому что есть, было нечего. Ели лебеду, листья от липы, пиканы, полевой хвощ, кислицу, крапиву. Всё, что выращивали в колхозе, отправляли на фронт – зерно, мясо, масло, яйца. Всё для фронта, всё для победы.

В то время даже спичек и то не было. И чтобы растопить печь использовали угли, которые были в печке, если они не полностью истлевали. Если угли не сохранились, шли к соседям с какой-нибудь посудинкой и у них брали угли. Дрова были сырые, они больше чадили, чем давали тепла. И в школе и дома было холодно. В перемену

все вставали к печке и грели руки, ноги. Все были в одежде. Чернила замерзали, поэтому писали карандашом. На бумагу использовали газеты. Но у некоторых были настоящие тетради.

Однажды к нам в деревню привезли детей из Ленинграда, как в пионерский лагерь на две недели. Поселили их в правлении колхоза, это были дети 9 – 11 лет. Они подготовили концерт для жителей деревни – пели песни военных лет, танцевали. Нам очень понравилось. Для них готовили обеды в русской печке, у них был хлеб, картошка, варили суп. Очистки от картофеля бросали в мусорную ямку. А деревенские ребята собирали очистки, носили домой, и варили из них похлёбку. Мы с сестрой тоже собирали и тоже ели такую похлёбку.

Один раз нам в деревне раздавали вещи – кому штаны, кому кофту, кому юбку. Сказали, что это привезли из Америки, такая гуманитарная помощь. Нашей маме досталась юбка тёплая и толстая. Она её очень долго носила, а мне дали кофту, мама из неё мне сделала платье.

Мама - Горбунова Екатерина Григорьевна, папа – Горбунов Макар Фёдорович (работал заведующим райфо в селе Сива. С 1952 года проживали с семьёй в селе Орда, папа работал зав.райфо).

Каравашкова Наталья Петровна

Война тут, вроде, не при чём

Посвящается моей маме,
Сидякиной Антонине Андриановне

Она мечтала стать врачом,
Война ту, вроде, не при чём:
Дорога определена,
И медсестрою на работу
Уже зачислена она.
Но тут в судьбе сломалось что-то:
Перечеркнула всё война.
Военный госпиталь, кровь,
стоны...
И заявление в военкомат:
«Хочу на фронт!» Шинель,
погоны,
Дом далеко, она солдат.
Гул самолётов за стеною,
Бомбёжки да морзьянки свист.
Работой занята иною:

Не медсестра теперь - радист.
Смешались будни фронтовые,
Победы и потери боевые...
Уже не месяц и не два –
Четвёртый год идёт война,
Четвёртый год страна «в ружьё»,
А молодость берёт своё...
Победой скорой окрылённый
Амур, приказом запрещённый,
Амур - коварный диверсант-
Против сердец незащищённых
Любовный выбросил десант.
И, как в романе говорилось,
«Пора пришла - она влюбилась».
Вдвоём невзгоды нипочём!
Победа! Счастье бьёт ключом!
А впереди - разруха и разлука,

Любить и ждать - нелёгкая
наука!
Военных лет ей не хватило,
Чтоб до мечты достать рукой.
Работала, детей растила,
Всё вынесла, хоть трудно было,
Лишь тяжело вздохнёт порой,
Что навсегда осталась
медсестрой.
Мечтала мама стать врачом,

Война тут, вроде, не при чём.

У обелисков, скорбь вобравших,
Вновь майским днём оставим мы
цветы.
Так вспомним же не только
павших,
Но и погибшие на той войне
мечты.

Кротов Вениамин Александрович

«Я хорошо помню, как вчерашние двадцатилетние солдаты – победители собирали футбольные команды и по выходным устраивали на стадионе в райцентре грандиозные представления. Проводили матчевые встречи с командами из бывших фронтовиков из других районов. На стадионе собирались и стар, и млад – сотни, если не тысячи болельщиков. Возможно, многие из них приходили посмотреть только на участников матчей, живыми вернувшихся с фронта.

Когда фронтовики перед началом очередной встречи снимали армейские гимнастёрки, чтобы сменить их на спортивные футболки, казалось, что звон их орденов и медалей, разносится по всей округе. Это был малиновый звон радостной, такой желанной Великой Победы!»

Из книги Владимира Быкова «Поставьте памятник деревне»

Курбатова Елена Михайловна

«22 июня - это было воскресенье. Мама с папой ушли на базар, мы с братом Толей играли дома одни. Вдруг родители возвращаются, мама плачет. Мы не можем понять, что случилось. «Война» - сказала мама. Отец стал готовиться на фронт, что-то еще доделывал во дворе. Повестка пришла на третий день. Больше мы его не видели». Было тогда отцу 31 год...

Так и осталась Елена с двумя детьми, старшей – Маше -10 лет, сыну Анатолию -7, да еще жили у нее свои родители, дед мужа и племянница. Семья – 7 человек, а кормилица одна. В колхозе назначили ее бригадиром полеводческой бригады вместо ушедшего на фронт мужа. Женщины трудились в поле с рассвета до заката, а бригадиру надо было еще у каждой обмерить обработанную площадь, чтобы поставить эти самые «палочки»- трудодни, за которые тогда

работали. Часто ложилась спать, не снимая лаптей, чтобы утром не тратить время на их завязывание. В хозяйстве в то время были только козы, мясо на столе было большой редкостью, так как его обязывали сдавать государству. И молоко, и шерсть, и яйца – все надо было сдать. Сами ели лепешки из лебеды, крапиву, липовую кору, пустую похлебку.

Запивалова Анна Ивановна

Муж Анны решил податься на производство, уехал в город Чистополь, устроился работать на завод, да так и потерялся. Вероятно,

был репрессирован. Осталась жена с трехлетним сыном на руках. Перед войной устроилась на работу в промартель «Звезда» в село Суда. По сельским меркам это было довольно крупное предприятие, на котором работало около 80 человек: выделывали шкуры, шили и отправляли на фронт сапоги и полусубки. Был жестянский цех, там делали ведра, тазы, умывальники и прочую домашнюю утварь. Ткали рогожи, кули, шили одежду. Анна занималась обувью: шила сапоги, ремонтировала обувь населению. Сын Евгений учился в школе, но в 1943 году на него перестали давать карточку на хлеб. Пришлось бросить школу и садиться рядом с матерью шить сапоги. Для взрослых была норма: за месяц сшить и отремонтировать 40 пар обуви. Подросткам – вдвое меньше. Анна была довольно бойкая, в руках работа спорилась, она делала и свою норму, и помогала сыну.

Зарплату выплачивали деньгами, но все равно жили очень бедно, есть было нечего. Женщины соскабливали с засоленных свиных шкур остатки сала, вымачивали его и варили похлебку. Прокормить сына Анне помогали коза и куры. Так и пережили войну.

Галина Евгеньевна Вичугова, внучка

Лобанова (Садкова) Мария Васильевна

Родилась 14 апреля 1923 года в д. Арсёновка. Призвана в армию в июле 1942 года. Младший лейтенант, шифровальщица отдела контрразведки «Смерш» 120-го стрелкового корпуса, 33-го гвардейского стрелкового корпуса, 10-й противотанковой бригады 1 Украинского фронта. После войны работала бухгалтером в ОВД, лесхозе, союзпечати.

Награждена орденами: Красной Звезды, Отечественной войны 11 степени, медалями: «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», чешской медалью «За освобождение Чехословакии» и значком «Ветеран войны Чехии», «За 15 лет безупречной службы МВД СССР», «Ветеран труда», юбилейными.

Имеет Диплом Ассоциации офицеров запаса Вооружённых Сил Форум «Общественное признание»: Лобанова Мария Васильевна решением Высшего Совета за мужество и героизм в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г. удостоена звания лауреата Форума «Общественное признание».

«Закончила Ординскую среднюю школу и поступила учиться без трудностей в пединститут на филфак. Учиться не пришлось.

Когда началась война, двух братьев с первых дней забрали в армию, через некоторое время – и сестру. Сестра училась в Троицке Челябинской области на авиамоториста. Пришла телеграмма от неё, что их повезут через Кунгур. Мы с мамой пешком бежали туда. В Кунгуре ждали трое суток. Дождались. Их, как и всех военных, везли в товарном вагоне. Все девчонки подстриженные, в пилотках. Переваливаясь через жердь в вагоне, кричали: «Мама, мама!» Мама Тасю не увидела. Я маму за руку: «Вон, Тася!» Мы побежали к комиссару поезда и попросили, чтобы я проводила сестру до Перми. Разрешили. Она ещё говорила: «Хоть бы тебя не забрали, совсем ещё соплюшка!» А я только приехала домой, вскоре и мне принесли повестку. Сначала училась на медсестру. Затем нас троих, меня и землячек из Верх Кунгура, Губан, сразу направили в действующую армию в Балашово Саратовской области. В армейском полевом госпитале не хватало медсестёр, и нас 5 человек прикомандировали туда. Из полевого госпиталя 50 человек медичек заставили писать диктант. Четверых отобрали и послали учиться на шифровальщиц. Работа была очень ответственная. Война есть война. Для всех одинаково. У меня исключения никакого не было.

Когда пошли в последнее наступление, «Катюши» работают, снаряды рвутся, танки идут... Раненые кричат: «Сестрица, помоги», а у меня ничего нет... Страшный гул, всё рвётся, горит. Я тогда подумала, что это и есть ад. Не дай бог!

Победу встречала на окраине Берлина. Я по роду службы знала, что скоро официально объявят об окончании войны. Когда пришло это известие, началось безумное ликование. Кто из автомата и винтовки стреляет, кто на губной гармошке играет, кто пилотки вверх бросает! Пожилой солдат, гладит меня по голове и приговаривает: «Доченька! Живы ведь остались! Живы ведь остались! Какое счастье!»

Это было действительно счастьем выйти живым из этого пекла».

Маковеева Фаина Георгиевна

Я (1937 г.р.) живу в браке с Маковеевым Анатолием Сергеевичем (1936 г.р.). Наши отцы погибли на войне. Я отца (Пономарёва

Георгия Ивановича) в лицо не помню, мне был четвёртый год. Папу взяли в лагерь в мае 1941 года. В 1942 г. прислали уведомление, что он пропал без вести. Потом пришло письмо из госпиталя, был ранен в ногу, выздоровел и снова на фронт, где был убит.

Мама работала санитаркой в больнице. У нас был свой дом, хотя и не достроенный (отец не успел), огород, коза. Весной в поле искали мороженую картошку, варили кисель и стряпали лепёшки, вкусные...

В 1947 году назначили пенсию по потере кормильца. Сразу выплатили 10 тысяч рублей за 5 лет с 1942 по 1947 годы. Ежемесячно получали по 140 рублей, позже по 200 рублей до поступления в институт, где стипендия была 290 рублей. Первые часы купила в 20 лет в 1957 году на деньги, заработанные в студенческом отряде на целине.

Мы жили в Кунгуре и я была у матери одна, не голодали. По другому жила семья свекрови – Маковеевой Александры Григорьевны, д. Голухино. Вдова осталась с пятёркой, последний сын родился в декабре 1941 г. Ходили собирать милостыню. Сёстры стыдились, посылали Анатолия. Семилетку сёстры не окончили, работали на ферме. Братья выучились в лаптях до 7 класса. Мать одновременно с фермой ночами караулила магазин, а к праздникам занималась мыть избы.

Маковеев Сергей Иванович, 1903 г.р., д.Голухино, Ординского района. Призван в 1941 году. Рядовой. Умер от ран 12 января 1942г. Кремирован в г. Москве.

Пономарёв Георгий Иванович, 1910г.р., г. Кунгур. Призван в 1941г. Рядовой. Стрелок 1188 стр. полка 357 стр. дивизии. Погиб 1 марта 1942г. Похоронен в д.Шкурлы Оленинского района Калининской области (Тверской области).

Малышев Павел Степанович

22 июня 1941 года многих курсантов Свердловской школы МВД, особенно тех, кто отслужил срочную службу в армии, мобилизовали на фронт. Павел Иванович был направлен в Ординский район оперативным уполномоченным уголовного розыска райотдела. Помимо выполнения прямых обязанностей приходилось отлавливать дезертиров.

В 1942 году он был направлен опять в Свердловск, в специальное училище секретного типа, где готовили специалистов по шифрованию документов.

Весной 1943 года учёба закончилась, и их распределили по штабам различных фронтов. Павел Степанович был откомандирован в штаб

28 армии, 37 стрелковый корпус, а уже там определили постоянное место службы, штаб 320 стрелковой дивизии. Шифровальное отделение штаба осуществляло срочную связь с вышестоящими частями: корпусом, армией фронтом и даже с Москвой.

Офицеров-шифровальщиков называли «колдунами». Считанные лица из руководящего состава имели право входить в отдел «колдунов». Им приносили тексты приказов, донесений, распоряжений. А они переводили их на язык цифр и букв по условной секретной системе.

Уволен в запас в мае 1947 года, но в декабре 1949 вновь был призван в Военно-Морской флот на Дальний Восток, где служил до 1962 года и уволен в запас по болезни.

Нина Игошева О минувшей войне

Вспомним всех поимённо,
Вспомним снова, сейчас.
Как сражались те воины,
Не пришли в жданный час.
Как трудились на поле
Неустанно, без сна
Бабы, дети и горе
Под названьем – Война!
Не забыть скорбной даты,
Не забыть, как родных
Провожали в солдаты,
Ждали с фронта живых!
Вспомним всех поимённо
Через 70 лет.

Шли и шли эшелоны,
В пламя новых побед.
Слава всем им сегодня:
Погибшим и ныне живым,
Что ковали Победу,
И в тылу, и трудом боевым.
Пусть наградой всем станет
Обелиск из брони.
Золотыми словами
В списках нынче они.
Пусть огонь не погаснет
У кремлёвской стены.
Помнят люди героев,
Помнят беды свои...

Мишарин Василий Иванович

«Мы впервые видели, как на нас шли танки «Тигр» и «Пантера», немецкие солдаты с автоматами. Гремели пушки и пулеметы, кружили самолеты. Вся фашистская техника была брошена на то, чтобы прорвать нашу оборону. От взрывов мин и снарядов невозможно было разговаривать, стоял жуткий гул и скрежет железа. В воздухе пахло гарью, шел дым от подбитых танков. Одним словом, ад. И продолжался он не час. Не день – неделю! Ценой невероятных усилий наш полк выстоял. Мы выдержали натиск фашистов, они не смогли выбить нас с переднего края обороны. В отдельные дни

отбивали до 5 вражеских атак. А 12 июля в 5 часов утра прозвучал приказ: «Наступать!». И наши солдаты нашли в себе силы идти вперед. В начале августа подразделение форсировало реку Оку и освободило Орел. Я был ранен осколком мины в правый локтевой сустав. За участие в орловско-курской операции получил первую боевую награду – медаль «За отвагу».

За форсирование Днепра и взятие города Рогачев Василий Мишарин был награжден орденом Славы 3-й степени. Вот как написано о его награждении на сайте «Подвиг народа» «Товарищ Мишарин В.И. проявил высокую доблесть при отражении вражеской контратаки 25 декабря 1943 года в районе д. М.Козловичи немцы вплотную подошли к нашим окопам и завязался рукопашный бой. В этой схватке был ранен командир взвода и Мишарин заменил его. Из личного оружия Мишарин убил 10 фашистов».

Ко второму ордену Славы его представили после того, как под Минском вшестером они взяли в плен 58 немецких солдат.

Домой в деревню Шарынино ему удалось вернуться лишь в конце 1947 года.

Мишарина (Шустикова) Елизавета Григорьевна

Отца забирали в армию в мой день рождения 28 августа 1941 года. Мы ехали в Уинский военкомат на лошадке, провожали отца мама, я, братишка Коля. Огромный обоз из множества подвод растянулся на большое расстояние. Ночевали в Суде у родственников. Там и была переключка по фамилиям отправленцев. Пятилетний брат Коля на всю жизнь запомнил многие фамилии и потом часто вспоминал этот эпизод. Отца отправили на фронт в октябре 1941 года. Была с дороги открытка, что везут на Москву. Через год маму вызвали в Уинский военкомат и сообщили, что красноармеец Шустиков Григорий Лаврентьевич пропал без вести в декабре 1941 г. под Москвой. Лишь спустя 40 с лишним лет после запросов в архив, мы узнали, что он похоронен в братской могиле в деревне Бережки Тверской области...Его останки (медальон, личные вещи) нашли поисковики.

...А между тем мы вернулись в деревню и занялись тяжелым каждодневным трудом. Мама Александра Ефимовна с раннего утра до позднего вечера работала в колхозе. Поскольку я была старшей в семье, я взяла на себя весь груз забот по дому. Лето 1942 года было тяжелым. Я работала в мехотряде (в 13 лет), заправляла газогенераторный трактор, таскала мешком березовые баклашки – они служили топливом для трактора. Эти баклашки мы пилили

пилой вручную всю зиму, величиной они были со спичечный коробок.

Потом работала прицепщицей на колесном тракторе. В колхозе было несколько таких тракторов, ими управляли исключительно женщины. Надо сказать, что во всем колхозе было всего 2 мужчины, вернувшихся с войны инвалидами. Работали мы с 6 утра до 6 вечера, выходных не было.

В мае 1945 года мы заготавливали дрова для колхоза. Ходили в лес за 5 - 8 километров, провизию и пилы тащили на себе. Идем из леса уставшие, навстречу Тася Осетрова на велосипеде едет и кричит нам: «Победа, бабоньки, победа!... Мой муж скоро вернется!» Как мы обрадовались, что наконец-то закончилась эта война... А Тася через месяц получила похоронку на своего мужа, он погиб 9 мая 1945 года. Тася стала вся черная – черная, ревела голосом и не выходила неделю из дома...

Чугаева (Мишарина) Людмила, дочь

Орлов Михаил Егорович

1898 года рождения. Трудился до войны рабочим в камнереже д. Павлово. Воевал с июня 1941 года по 1944 год. Старшина 261-го стрелкового полка. Умер от ран в госпитале г. Пензе 6 февраля 1944г. Осталось трое сыновей. Жена Акулина Матвеевна умерла от тяжёлой работы.

Подпись на фото 1944 года: «Это вам милые сыновья напоминает ваш отец Орлов Михаил Егорович».

Орлов Николай Михайлович

(6.11.1923г.-

10.12.2000г) Ушёл на фронт добровольцем после окончания 7 классов в сентябре 1941 года. Воевал на Калининском фронте (лыжный стрелковый батальон). В ходе боёв

дважды был ранен. Последнее ранение получил при спасении командира. За участие в боевых действиях награждён двумя орденами «Отечественной войны» I и II степени, медалью Жукова и

знаком «Фронтовик 1941- 1945 г.», также шестью юбилейными медалями.

Орлова Екатерина Васильевна

Когда началась война, мне было 4,5 года. В селе появились эвакуированные из Ленинграда. Для ленинградских детей был организован детский дом. Преподаватели были расквартированы по квартирам. И в нашем доме появилась беженка, еврейка, эвакуированная с детским домом из Ленинграда (тогда во многих семьях они были). Так как она была учительница, так вот она мне стала показывать буквы алфавита. Картонные буквы были большие, красочные (красные с белой окантовкой). И я их очень быстро выучила. До школы умела писать и читать. Дядя Вася первый раз приехал в отпуск контуженный (плохо ходил, плохо говорил, не слышал). Мне было смешно слышать и видеть, как он подползал к двери и кошку звал не кыс, кыс, а кых, кых. Я не понимала, думала, он притворяется. Спал он на койке (железная кровать). Мы же все втроем на русской печи. Ночью раздавался жуткий крик, все соскакивали, и бабушка начинала его будить. Эта жуть превратилась в страх на долгое время.

Хлеба жали в ручную серпами. Я ходила жать с бабушкой. Когда учётчик ей отмеряет саженью постать (участок) и я прошу себе. После сжатого хлеба делают замер, я тоже прошу учесть сделанное за день. И гордо говорю бабушке, что я не зря ем хлеб, я его зарабатываю.

Новикова Анна Фёдоровна

Трудное детство

Про Казаево – родную деревеньку	Школа деревянная, в которой мы учились
Что стояла под крутой горой	В конюховке проводили вечера
Внукам рассказать я всё решила	Вспоминаю я трудное детство
Чтоб они нас вспомнили порой.	У детей, как и я, опалённых войной
Деревни уже нет на белом свете	И холод, и голод, нужда и работа
Но в мыслях у меня она жива	Не обошли нас стороной.
Пока в груди работает сердечко	Отца убили на фронте
Деревня будет жить всегда.	А мать работала с темна и до темна
Сорок пять домов стояли под горою	И братья рано познали работу
Ферма, лошади и два быка.	А я сидела дома одна.

Чем заняться, чтоб день
скоротать
Я решила, учиться вязать.
Кружевиночку вяжу
Маму с поля домой жду.
А в семь лет пошла я в школу
Но вязать не разлюбила.
И хоть день теперь был занят
Но я время находила.
Вечером, после уроков
И в воскресный день работаю
Всё сижу, вяжу и знаю,
Что на нитки заработаю.
Ведь в колхозах денег не
платили
Хотя мамы работали весь день.
Жали, косили, молотили, пололи
За палочку, за трудовень.
Разве сейчас, после уроков
Дети работать пойдут?
А в годы войны, да и после
Обязательным был ещё труд.
То колоски на полях собирали
На себя одев с лямкой мешок.
А по дороге вслух повторяли
Выученный в школе стишок.
Полуголодные шагали
То коноплю рвать, то лён
Связав небольшими снопами

Сушить их ставили в суслон.
До самого снега и в холод
Собирали картошку на поле
С ногами мокрыми, в лаптях
Ну разве это не горе?
Многому я научилась,
Как снопы вязать за жаткой
Как ставить суслон, чтоб не
падал
А копны возить лошадкой.
Как рожь жать серпом на
пригорке
Как сено грести, подскребая,
Как веялкой чистить зерно
Плицею вверх насыпая.
Как зерновые полоть
Шеренгой по полю шагая.
И как кантарить зерно
Мочалкою закрепляя.
Закончились школьные годы...
Разъехались все – кто куда
Вспоминаем родную деревню,
Где осталось детство и душа.
Про Казаево – родную
деревеньку,
Что стояла под крутой горой
Внукам рассказать я всё решила,
Чтоб они нас вспомнили порой...

Первов Андрей Дмитриевич

Мой прадедушка – был участником Великой Отечественной войны, награждён орденами и медалями, участвовал в Парадах на Красной площади в Москве. Вернулся с войны инвалидом, но никогда не унывал, не считал себя героем.

Андрея и других ребят призвали на фронт из 9-го класса Ординской школы в декабре 1942г. 17 лет ему исполнилось уже на фронте. Присягу он принял в день своего рождения 23 декабря под Ленинградом, где были его первые бои. Вернулся же Андрей домой в марте 1950г. Его не было дома почти 8 лет. Когда он зашел во двор и

увидел там свою маму, она его спросила: «Вам товарищ военный кого?»»

Андрей участвовал в обороне Ленинграда, в тяжёлых боях на Ладожском озере. Благодаря хорошему музыкальному слуху он выучился на радиста, стал классным специалистом.

Однажды генерал захотел узнать, кто так хорошо с ним работает. Ему показали на молодого солдата, почти мальчика. Генерал тогда пришёл с большим арбузом, дал его Андрею и сказал: «Спасибо сынок!» Андрей Дмитриевич всегда считал этот арбуз самой большой наградой.

Дедушка был очень интересным, талантливым человеком. Он много знал, красиво пел, играл на многих музыкальных инструментах, хорошо рисовал, занимался спортом. Он выучил песни на нескольких иностранных языках, любил петь их своим детям, отдавал им много времени: делал горки, трамплины, ходил на лыжах. После войны Андрей Дмитриевич экстерном закончил 9-й и 10-й классы, поступил в Пермский государственный университет и отлично закончил его. Он работал председателем райисполкома, заведующим районо, но большую часть жизни завучем и учителем Ординской школы.

Громаковский Андрей

Перфильев Михаил Петрович

Уроженец д. Покровка Калининского сельсовета Кунгурского района. Годы жизни 21 ноября 1920 – 25 апреля 1978.

27 сентября 1940 года прямо в поле, где Михаил трудился на комбайне, ему была вручена повестка в армию. Он только едва успел вечером после работы помыться в бане и попрощаться с родными и друзьями, как утром уже отправился на службу. Служить пришлось на Дальнем Востоке, телефонистом, на северном Сахалине. Южный, ниже 50-й параллели, в то время принадлежал Японии.

Летом следующего года началась война на далеком Западе и служба затянулась до августа 1945 года. Тогда и началась «долгожданная», но скоротечная и победоносная война с Японией, в которой принимал участие и М.П.Перфильев. Еще в мае 1943 года он был переведен в 520 пулеметно-артиллерийский батальон Отдельного Сахалинского стрелкового полка, в составе которого он и принял участие в Южно-Сахалинской операции, которая длилась с 11 по 25 августа 1945 года. Всего за неделю боев был взят Котонский укрепленный район, который защищали около 26000 японцев. В результате этой успешной операции только в плен попало тогда

18000 японских солдат и офицеров. Всего за две недели боев был освобожден весь Сахалин, а также и Курильские острова.

Но на этом служба М.П.Перфильева ещё не закончилась. Ещё почти год, до 15 июня 1946 года, он оставался в армии. Победители налаживали мирную жизнь на освобожденных территориях южного Сахалина, занимались административными и хозяйственными делами, переписью населения.

Пшеничников Фёдор Павлович

Родился Фёдор Павлович 25 сентября 1904 года в д. Рубежево в крестьянской семье.

На Великую Отечественную войну был призван в августе 1941 года. После месяца подготовки в Бершетских лагерях он попадает на фронт. Осенью его часть отступала с тяжелыми боями на Калининском направлении. В ноябре 1941 года рота, в которой он служил, оказалась отрезанной от своих на правом берегу Волги. До 20 ноября они укрывались в лесу, и лишь когда на реке застыл лёд, перешли по нему к своим. Снова бои, тяжелые потери. Фёдор Павлович получает под командование взвод. В декабре 1941 года он был ранен (всего за войну у него будет 5 ранений и 2 контузии), командование части отправило в Киргишан похоронку...

После 4 месяцев госпиталя сержант Пшеничников был направлен на курсы младших лейтенантов в Москве. После их окончания снова фронт, Беларуссия, Польша. Уже дослужившись до старших лейтенантов, Фёдор Павлович попал в беду. 2 солдата-ингуша из его роты перебежали к немцам. Пшеничников мог попасть под трибунал, но отделался легко – был разжалован до младших лейтенантов. А дальше – Польша, Германия.

В августе 1945 года он возвращается в Орду. На его груди – орден Красной Звезды, 2 ордена Отечественной войны, медаль "За победу над Германией".

Любой человек, интересующийся историей нашего края, знает имя этого человека. В газете "Верный путь" с 1967 по 1989 г.г. было напечатано более 140 его статей. Он создал стройную историю большинства населённых пунктов края.

Из книги В.Н.Новикова «География, история, экономика
Ординского района»

Сарапульцева Анна Николаевна (26.09.1932 - 2014)

Самое яркое детское воспоминание о том, как ходила с отцом в магазин за конфетами, когда он уходил на фронт.

Взрослой почувствовала себя, учась в 4 классе. Болела малярией, приступ начинался в 12 часов дня. До этого времени топила печь, стряпала шаньги, похлёбку, кашу и шла к матери на работу, чтобы сообщить об этом.

Мечтала быть врачом, но жили бедно, и тётя настояла на поступление в педучилище, где давали стипендию, если учился на «4» и «5». Окончив его с отличием, подала документы в пединститут и стала преподавателем физики и математики.

Семерикова (Герасимова) Евдокия Ивановна

«В 1940 году я закончила 10 классов и поступила работать на почту телеграфисткой. Курсов никаких не кончала, всему научилась постепенно. Когда началась война я была в городе Кунгуре, в гостях моего дяди Андрея. Там должен был быть какой-то праздник, все готовились. И вдруг объявили: «Война!». Сразу началась суматоха, срочная мобилизация, мужиков всех вызывали в военкомат, садили на машины и увозили. Только повестки, повестки, повестки..., кругом рёв, слёзы, прощания.

В Орде военкомат находился напротив почты, и я навсегда запомнила, как собирали мужиков для отправки на фронт. Сборы были в доме культуры, который располагался в церкви. Бабы ждали мужей, сыновей у ворот, чтобы попрощаться. Мужиков же рассадят по машинам позади здания, и они выезжают, не останавливаясь. Бабы бегут за машинами, кричат, режут... Мужики им машут руками, машут.... Тяжело, ужасно, как тяжело....

Я всю войну проработала на телеграфе. Бесконечные телеграммы, шифровки всё было секретно, требовалось большое внимание. Не дай бог сделать ошибку. Одна телеграмма состояла из четырёхсот слов, каждое слово надо заменить цифрой. И вот раскручиваешь эту ленту, шифруешь, шифруешь, аж в глазах рябит от букв и цифр... Цифры в шифровке располагались столбиками, по четыре цифры в каждой строчке. Работали на морзянке это такая специальная машинка. Азбуку Морзе я запомнила на всю жизнь, даже сейчас могу написать. А в то время телеграфная лента, на которой шли телеграммы, лежала горой выше стола, и всё это нужно было зашифровать и передать дальше. Начальник милиции сказал: «Не дай бог, если только исказишь хоть одну цифру, сразу посажу!». Война есть война всё строго».

Цецегов Александр Карпович из деревни Чесноковка Уинского района погиб на Курской дуге. «Был командиром танка», так

говорила моя мама, Зоя Григорьевна Цецегова (Михеева). Письма шли долго, и последнее письмо пришло жене уже тогда, когда его не было в живых. Во время его гибели на её окно прилетел голубок, его душа.

Сын танкиста – Анатолий Александрович Цецегов – был ещё на руках, когда отца провожали на фронт, и он жалел, что сына рано унесли: «Я бы ещё посмотрел на него». Сын отслужил в ГДР, стал зубным техником, работал в Ординской больнице. По его стопам пошли сын Александр и дочь Наталья, работают в медицине. Правнучка танкиста Ольга живёт в Германии. С отличием закончила Берлинский университет. Растит сына Теодора, по-русски – Фёдора. С мужем они приезжают на родину. Вторая правнучка заканчивает политехнический университет в Перми. Правнук Артём отслужил в армии, преподаватель. А мама воспитывала семерых родных и неродных детей, работала. И всю жизнь хранила, читала письма его, Саши. И это имя произносила уже в полузабытьи, вспоминая юность, и эту любовь, которую унесла война.

Письма домой

Милая Зочка, здравствуй!
С фронта письмо вам пишу.
Не беспокойся напрасно,
Но об одном лишь прошу:
Побереги ты сыночка,
Он один у меня.
Будет у нас ещё дочка,
Только б минула война.
После боёв – словно грёзы –
Этот родительский дом.
Милые с детства берёзы,
Где мы бродили вдвоём.
Как с урожаем в колхозе
И трудовням счёт ведут?
Вырос большой ли сыночек?
Очень скучаю и жду.
Вестью доволен, родная,
Что дома всё хорошо.
Главную радость узнал я:
Ножками сын наш пошёл!
Зоя, родная, поверь мне,
Сделаю всё, что смогу.

Буду сражаться на совесть,
Нашу любовь сберегу.
Зочка, милая, знаешь,
Как по тебе я грущу,
Чтоб на руке была рядом –
Всё это в сердце ношу.
Главного вам я желаю –
Это здоровья сейчас.
А повидаться? – Не знаю...
В мыслях целую я вас.
Танки, огонь, гул орудий,
Курская битва гремит.
Зоя, прощай! За победу!
В дом треугольник спешит.
Переживём мы разлуку,
Душу письмом веселя.
Крепко я жму вашу руку,
Зочка, Зоя моя!
Милая мамочка, здравствуй!
Армии верно служу.
Мама, не плачь понапрасну!
Честью семьи дорожу.

Знаю, отец за спиною,
Знаю, меня бережёт,
Будет мой сын Александром,
Деда продолжит он род.

Выросли дети и внуки
Помнит танкиста семья.
Сердца солдатского строки:
«Зочка, Зоя моя...»

Басанова Татьяна Михайловна (Михеева)

Черепанов Иван Андреевич

Черепанова Евдокия Петровна

В семье Черепановых Андрея Ивановича и Натальи Иосифовны из деревни Рубежево росли четверо сыновей: Иван, Григорий, близнецы: Павел и Пётр, и дочь Анна, в замужестве Лобанова (1900-1984).

Когда началась Великая Отечественная война все четверо братьев ушли на фронт. Два брата Черепановых: Григорий Андреевич и Пётр Андреевич пропали без вести. Двое вернулись домой: Черепанов Павел Андреевич и Черепанов Иван Андреевич. Последний имеет орден «Красной Звезды», полученный 04.11.1940 года за финскую войну.

Иван Андреевич, вспоминал, как в войне с фашистами помогал воевать мороз. Не однократно находили в лесу костёр, а около него 10-12 сидящих замёрзших немцев. Вспоминал, что с появлением реактивных миномётов «Катюша», стало намного легче. Сначала они обрушивали на противника свой шквальный огонь, а потом уже бойцы шли в наступление. Запомнились выступления, приезжающих на фронт артистов и среди них была несравненная Лидия Русланова. В послевоенное время любимыми песнями Ивана Андреевича были «Валенки» и «Когда б имел золотые горы». Это их он пел в минуты душевного волнения, беря в руки гармонь.

Черепанов Иван Андреевич (04.12.1916-1987) женился на Черепановой Евдокии Петровне (08.03.1923г.р.), которая в годы войны работала на крахмальном заводе, 35 лет трудилась в райфо. Её отец, Лобанов Пётр Григорьевич, (1898-1954) воевал рядовым 162 гв. стр. полка. Участвовал в освобождении Белоруссии и Прибалтики. После демобилизации работал в колхозе.

Наталья Ивановна Скороходова (Черепанова), дочь

Шипулин Яков Дмитриевич

Шипулина Евдокия Андреевна

Яков Дмитриевич работал в райисполкоме, образование у него было всего 3 класса, но почерк очень хороший. Евдокия Андреевна грамоте обучалась в ликбезе, работала уборщицей в НКВД. Оба из многодетных семей. На день Великой Отечественной войны в семье

было трое детей: Иван, Валя, и Юрий. Якова Дмитриевича отправили в августе 41-го в Полетаево, это за Кунгуром. Там, формировались воинские части. Служил он в пехотном полку (впоследствии 2-ой Белорусский фронт). Вначале был политруком роты, до первого ранения (воинское звание – капитан). В то время получил первую награду медаль «За отвагу».

После лечения в госпитале в звании майора был оставлен при штабе полка, так как у него был каллиграфический почерк, он вёл всю документацию и ещё был секретарём партийной организации полка. Второе тяжёлое ранение получил при обороне штаба полка летом 1944 года (был прорыв диверсионной группы). За это получил орден «Красной звезды».

Домой вернулся в январе 1945 года инвалидом II группы. Особо не распространялся о своей службе, переписывался с однополчанами, восстанавливали военную историю полка дивизии.

Евдокия Андреевна на период сельскохозяйственных работ отправляла младших детей и бабушку к родственникам. Иван все каникулы работал в колхозе. Евдокия Андреевна ещё подрабатывала в «Главтабаке», ездили по колхозам и учили технологии выращивания табака (махорка шла на фронт солдатам). А так же во время страды ходила в село Верх-Кунгур и световой день работала в колхозе (брат её Матвей был бригадиром). На своей основной работе уборку делала ночами.

На фронте недолго был и брат Якова - Павел Дмитриевич, 1909 года рождения. После ранения в руку (осколки в ней так и носил до смерти) и выздоровления работал на Лысьвенском заводе до конца войны, где делал каски для бойцов. Домой приехал в 1946 году и трудился в колхозе «Правда».

Шляпников Пётр Иванович

Мой отец, Шляпников Пётр Иванович, 1907 года рождения, в 1940 году закончил годичные курсы в Троицком ветеринарном институте (Челябинская область) и получил профессию ветфельдшера. До учёбы он работал в колхозе, затем ветсанитаром в Ординской райветлечебнице.

Жили мы с мамой Шляпниковой Верой Николаевной в деревне Казаково (теперь ул. Гагарина с. Орда). А с января 1941 года стали жить в селе Опачёвка, где отец начал работать ветфельдшером в организации «Заготскот». В апреле 1941 родился мой брат Георгий, мне в это время было четыре года. В июле 1941 отец был мобилизован на фронт, а осенью мы с мамой переехали обратно в свой домик в

Казаково. Там в переулке у переход через речку, жили наши дед и бабушка. С их поддержкой мы пережили годы войны, ждали письма и возвращение отца. Писал он редко, а с конца 1944 года писем больше не приходило.

Мама работала по найму в колхозе. Помню, жала она серпом рожь в «удворной перемене», а я на меже нянчился с маленьким братом и плёл венки из васильков («удворной переменной» называлось поле, расположенное за дворами, огородами деревни Казаково, т.е. улица Гагарина на правой стороне).

С 1944 года мама стала работать в должности зав. районным архивом НКВД. Я пошёл в первый класс Зареченской начальной школы, а Георгия мама устроила в детский сад.

В марте 1945 года умер наш дед, Шляпников Иван Яковлевич, от лёгочно-сердечной недостаточности (68 лет). А в апреле я простудился, лежал в больнице с воспалением лёгких. Мама очень переживала в этот период. 9 мая 1945 года меня выписали из больницы. А от отца ничего нет. В свой первый класс я больше не пошёл. Мама сказала: «Если отец с войны вернётся, успеешь выучиться». Её волновала проблема питания больше всего и здоровье наше.

Война закончилась. Наступило лето. Фронтовики, кто остался жив, в основном, вернулись домой. Мама написала письмо командиру военной части, в которой служил отец, с вопросом, жив ли он? Пришёл ответ: «Ваш муж Шляпников Пётр Иванович жив и здоров. Сопровождает скот на родину и скоро вернётся домой». Хорошо помню эти слова.

Зареченская школа, 1946 год, октябрь, 2 класс,
перед сбором колосков в поле

Вернулся отец домой в октябре 1945 года. А письма не писал почему? Он объяснил тем, что не надеялся, что останется жив. Был два раза контужен. Шли тяжёлые бои. Даже после Победы, пока он сопровождал скот, захваченный ранее немцами, до границы, не спокойно было на чужой земле.

Я снова пошёл в Зареченскую школу в первый класс к Михайловой Фавсте Матвеевне. Отец стал работать ветфельдшером сначала в с. Опачёвка, а затем в Орде, в ветлечебнице. По-прежнему было трудно с питанием, с хлебом, но было уже тепло в доме и на душе. В 1947 году родился наш младший брат Миша. Не смотря, на трудные послевоенные годы, мы жили дружно. Родители работали, мы учились и помогали им в домашних делах.

Отец был награждён медалями «За Победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и благодарностью от Верховного Главнокомандующего товарища Сталина за отличные боевые действия. Он был представлен ещё и к другим боевым наградам, но они не дошли почему-то до него после войны.

Шляпников Василий Петрович, сын

Шляпников Фёдор Павлович

Мой дедушка Шляпников Фёдор Павлович, когда началась война, работал мастером сырзавода в селе Грызаны. Он, как и все хотел идти на фронт и защищать нашу Родину. Но ему была дана бронь. Потому что сырзавод должен был работать и отправлять сыр на фронт.

В село всё чаще стали приходиться похоронки, возвращались односельчане с полученными ранениями (кто без руки, кто без ноги). Всё это он очень переживал, но ему говорили, что здесь он нужней. Завод работал день и ночь, производили сыр и отправляли на фронт. В то время сыр грызановского завода очень ценился. Целыми обозами на лошадях возили головки сыра в Кунгур, а там по железной дороге отправляли на фронт. Так было до февраля 1943 года. 20 февраля бронь с Фёдора Павловича была снята, и он был отправлен на фронт. Бабушка получила всего три письма. Первое он написал ещё в Перми, писал о том, что получил тёплое новое обмундирование (тёплую одежду, оружие и продовольственный паёк). Свою одежду отправил посылкой домой, сын Анатолий подрастёт, и будет носить. Передавал всем приветы, что всё будет хорошо. Он обязательно вернётся, а вы держитесь, береги себя и детей. Второе письмо написал с дороги. Сформированный эшелон едет в харьковском направлении. И третье последнее письмо было уже с места прибытия. В нём он сообщал полевую почту 1722, № части 26. Писал, что завтра повезут уже на

передовую. Писем больше не было. Из вестей с фронта бабушка узнала, что на харьковском направлении идут ожесточённые бои. Потом от командования пришло извещение, что 6 апреля 1943 года Шляпников Фёдор Павлович пропал без вести.

Бабушка осталась с тремя детьми и беременная четвёртым. Сын Александр родился без отца. И так четверых детей бабушка поднимала одна в тяжёлые военные и послевоенные годы.

Кобелева Нина Семёновна, внучка

Шутёмова Таисия Григорьевна

«Я родилась в станице Екатериновской Крыловского района Краснодарского края (ныне станица Крыловская) 29 октября 1939 года. Жили нормально, папа работал в МТС, а мама в колхозе «Путь к коммунизму». В августе 1941 года отправляют на войну папиного брата Михаила Григорьевича. Дома остаётся его жена с пятью детьми.

На сохранившейся фотографии он сидит в шапке и держит на руках 2-х годовалую дочку Таю, возле него постарше два сына и две дочери. На этой фотографии, как бы можно сказать прощальной, собрались его братья и сёстры. И это был действительно,

последний подарок всей родне, т.к. дядя Миша пропал без вести. Его так и не нашли. Где-то в декабре 1941 года забрали на войну и моего папу. Я хорошо помню, хотя мне было пять с половиной лет, как мама получила от папы белый треугольничек – это было письмо, в котором он писал: «Буду на станции Крыловская тогда-то, сможете со мной повстречаться, т.к. меня вместе с товарищами отправляют на Дальний Восток на выполнение боевых действий с японцами». Получив письмо с таким содержанием, мама собирает нас, меня и брата Лёшу, а также папину маму, нашу бабу Феню. Попросила в колхозе телегу с лошадью, и мы отправились на станцию Крыловскую, которая находилась в 15 км, от нашей станицы. Приезжаем туда, нас встречает женщина и говорит: «Поезд прошёл ночью, просил передать привет, не волноваться: жив, здоров...» Так мы папу и не увидели до начала сентября. Когда он пришёл домой, была хорошая погода. В саду у нас

было много груш, которые падали с деревьев на землю. Мы с братом радовались, а мама плакала. Я этого не могла понять, была ещё мала и удивлялась, почему мама плачет, не знала, что это были слёзы радости».

Фёдор Семёнович Якунин уже в 1941 он был среди героических защитников Ленинграда. За смекалку и храбрость, проявленные при ведении боёв на оборонительном рубеже, пулемётчик был назначен командиром отделения. Летом 1942-го года его зачислили в морскую пехоту и вскоре направили во вновь сформированную 318-ю горно-стрелковую дивизию в состав 1339-го полка. Это были войска особого назначения – штурмовые отряды десанта. В дивизию набирали самых опытных бойцов со всех фронтов. Домой вернулся в октябре 1945-го с орденом «Красной Звезды», орденом «Славы III степени», медалями.

Сейчас уже немногие ординцы помнят площадь перед центральным сквером села такой, какой она была много лет назад. На высоком столбе висел репродуктор, из которого люди узнавали о том, как идут дела на фронте. Вот с этой площади 6 июня 1942-го года на военную службу в Красную Армию отправилась **Надежда Михайловна Якунина**, ей было 20 лет. Призывников погрузили на телеги и отправили на пункт сбора в Кунгурский военкомат. До войны она освоила профессию телефонистки, поэтому курсы переподготовки для работы в военных условиях были не долгими. А дальше блокадный Ленинград. Попасть в город можно было только по «дороге жизни» - через Ладогу. Дорогу эту Надежда Михайловна запомнила на всю жизнь, колонна попала под бомбёжку и она чудом осталась жива. О войне говорила: «Ребята, это горе и ужас, не приведи бог вам это пережить». На опаленной войной ленинградской земле, случайно встретила свою землячку Марфу Александровну Труфанову из д. Грызаны. Она тоже служила телефонисткой, только в штабе ВВС морской авиации. Эта встреча согревала сердце и помогала переживать тяготы военного лихолетья.

P.S. В небольшой коробке, цветом напоминающей георгиевскую ленточку, хранятся дорогие для нашей семьи реликвии – боевые и трудовые награды родителей. Эти ордена и медали – история жизни моих отца и матери, участников Великой Отечественной войны и рядовых строителей могучей послевоенной державы. Семья моего сына, старшие внуки знают о военных дорогах дедушки и прадедушки, бабушки и прабабушки. Они побывали в местах их боевых сражений в Крыму и Севастополе, на Ладоге, в Ленинграде. Их интерес к героическому прошлому предков согревает душу. Хотелось бы вновь

обратиться к людям старшего поколения: «Мы ещё можем оставить потомкам воспоминания о подвиге наших отцов. Это наш долг».

Банникова (Якунина) Татьяна Фёдоровна, дочь

Каравашкова Наталья Петровна

Бессмертный полк

Две тысячи пятнадцатый,
победный сорок пятый -
Меж ними семь десятков
мирных лет!
Где славной армии солдаты?
На торжествах почти их нет.
Где победители-герои,
Которые спасли Европу от беды?
Их время выбило из строя,
Им не сомкнуть свои ряды.
В церквях роняют слёзы свечи,
Рыдают в небе журавли
По тем, кто, крест войны
приняв на плечи,

Гнал лютого врага с родной земли.
Но память подняла их
дивной силой,
Чтобы заполнить пустоту рядов.
И собрались они опять
по всей России,
Как бурная река из малых ручейков.
Сомкнулся строй,
в боях увенчан славой!
Цветёт земля, и гул орудий смолк!
С победой возвращается, усталый,
Вновь по стране идёт
Бессмертный полк!

Татьяна Южакова

Вместо песен и слов - огонь,
Вместо серых туманов - дым.
Слёзы падают на ладонь,
Обжигая сердца седым.
Их вчера ещё целый взвод,
На защиту родной земли,
Прибыл свой уберечь народ,
А себя вот не сберегли...
От деревни осталась гарь,
Да погост у берёз в тени.

Вместо ясного неба - сталь.
И повсюду от взрывов рвы.
Тех, кто выжил укроет лес,
Партизанов найдёт отряд.
От церквушки остался крест
И угли, что ещё дымят.
Вместо песен и слов - огонь,
Вместо серых туманов - дым.
Слезы падают на ладонь,
Обжигая сердца седым.

Кетова Нелли Николаевна

Два письма

*Красноармеец...пропал без
вести...Считать погибшим.*

Средь немногих реликвий, что
греют сердца,
Ты хранишь в сундучке два
письма от отца,

Два письма от солдата сынам и жене
Как горючую память о прошлой войне,
О Великой войне, о великой беде!
В сорок первом далёком наказ от отца
Получили в письме два погодка-мальца.
Прежде - батя велел - надо слушаться мать,
Стать в дому мужиками, не спорить, писать,
(Не подглядывать, впрочем), как учатся в школе,
Как в колхозе дела, как управились в поле.
Сообщал, что сатину купил на рубашки,
И просил к Октябрю сшить обновы им Клашу,
Дорогую жену. Обучается, скоро идти на войну,
Он готов защищать вместе всех и Страну.
Треугольник последний из Рыбинска был,
Всем поклоны, отец никого не забыл:

Дорогую мамашу и шурина Колю,
И соседа, и дочек - Марию и Полю.
И без вести пропал - ни звезды, ни креста...
Где под Вязьмой и Ельнею эти места,
Где в лесах неотпетыми кости лежат
Не забытых роднёй, неизвестных солдат?!
А когда в декабре в небесах звездопад –
То не искры Плеяд, это звёзды солдат,
Кто в боях под Москвой в сорок первом году
Звёзды крови своей оставлял на снегу.
Средь немногих реликвий, что греют сердца,
В сундучке два хранятся письма от отца.
На Божницу святые листки положив,
Всем, ушедшим в боях,
поклонись от живых!

Девочка из шахты (рассказ)

Ночная мгла ещё висит над поселком. Мама будит маленькую Надю, надевает на неё большую фуфайку, валенки, заматывает шалью. Надя плачет. Ей хочется спать. Но её сажают на санки и везут на угольный отвал. Пока мама и старшая сестра Маня выбирают из вывезенной из шахты пустой породы куски угля, Надя сторожит то, что они уже нашли и принесли к санкам. Иногда Надя ложится на уголь и засыпает. Приходит мама, будит дочку, заставляет попрыгать возле санок, чтобы проснуться и снова уходит в темноту.

Шахтеры были без угля, как сапожники без сапог. На уральскую зиму им полагалась одна колымажка, которой хватало в лучшем случае на месяц. Вокруг была тайга, но выписать лес стоило больших денег. Поэтому семьи шахтеров и промышляли на отвалах, где среди породы попадались и куски настоящего каменного угля.

Её родители Волков Сергей Андреевич и Варушкина Анна Семеновна познакомились в конце тридцатых годов. Вместе начали разрабатывать 32 шахту Кизеловского угольного бассейна. Шахтеры жили в палатках и землянках. Семейным первым разрешили построить маленькие дома. В 1939 году родилась дочь Маша. Надя родилась в 1944-м.

Время было суровое и беспокойное. На фронтах шли ожесточенные бои, а по уральской тайге шастали преступники и дезертиры, совершая грабительские набеги на шахтерские поселки. Перед рождением Нади семью обворовали, из дома вынесли всё подчистую. Не осталось ни чашки, ни простыни, ни одежды. Бабка-повитуха, принимавшая роды, сняла с себя нижнюю юбку, разорвала ее пополам, получилось две пеленки для новорожденной.

Глава семьи, Сергей Андреевич, с начала войны рвался на фронт, но как и некоторые другие шахтеры, получил бронь. Стране нужны были не только бойцы, хлеб, но и уголь.

Женщины, у которых мужья были на фронте, порой, с ненавистью или с завистью поглядывали на шахтёрских жен: вот, мол, твой -то около юбки сидит. А опытные, молодые, крепкие мужчины неделями не выходили из забоев. Они давали так необходимый стране уголь, а шахтный газ поедал их легкие. Никто из этой бригады шахтёров не дожил до старости. Все ушли в мир иной в первые 15 лет после войны. А перед уходом тяжело болели.

Та же участь постигла и Сергея Андреевича. Вскоре после войны медики запретили ему спускаться в шахту. Он и не спорил. Сил работать, как прежде уже не было. В начале пятидесятых годов он ещё плотничал и корчевал лес. Люди стали жить лучше. Стали строить новые дома, расширять огороды, отвоевывая желанные сотки у тайги. Но болезнь прогрессировала. И вскоре Сергей Андреевич слёг. Надя была папиной дочкой, и его болезнь, а потом, в 1960-м, смерть пережила тяжело.

В её памяти он остался веселым папой, который умеет всё-всё. Даже свой первый фартук к школьному платьицу второклассница Надя шила под его руководством. Для неё до сих пор остаётся загадкой, где и когда её отец, воспитывавшийся в детском доме, всему научился. Он мог поставить дом, сделать мебель. Вдвоем они

хранили множество секретов, с полуслова понимали друг друга. Её отец хотел видеть, когда лежал в больнице. И Надя после школы бежала к нему в палату, девять километров в одну сторону и девять обратно. Её он ждал дома тяжело больным, чтобы дочь помогла ему перевернуться, поправить подушку.

Жили бедно. От голода спасали корова и огород. Но и работать приходилось много. Огород вскапывали вручную лопатой, сено вывозили по снегу, впрягшись в сани. А на осень носили в вязанках на себе по болотистой местности. На подстилку использовали опил, который возили в мешках на санках за несколько километров.

За одеждой ходили в магазин на Кучок, (из этого поселка по замыслу режиссера было героиня сериала «Уральская кружевница») за 20 километров. Это был посёлок-зона. Военных, охраняющих зеков, снабжали хорошо. В одиночку отправляться в такой путь было опасно. И женщины ходили туда большой компанией. И веселее, и безопаснее. В лесах все еще было неспокойно. С Кучка были принесены первая настоящая школьная форма и отрез на первое пальто для Нади.

Подростки редко задумываются о трудностях. Тем более, что жили так все и другой жизни пока не видели. Собирали чернику и малину, грибы. Зимой катались на самодельных лыжах и рыли под снегом нескончаемые туннели. Это было несложно. Снегу надувало по самые крыши. Но в играх своих они всегда обходили стороной каракалпакское кладбище. Почему каракалпакское, и в каком году это произошло, сейчас никто точно сказать не может. А была такая история.

На шахту пришёл железнодорожный состав за углем. Шахтёрам сказали, что в одном из вагонов железные кровати, их нужно разгрузить и распределить по семьям. Мужики обрадовались. Сколько можно спать на сенных матрасах, брошенных на пол. Сорвали пломбу. Открыли вагон, а там – снизу доверху голые мертвецы. Домой шахтёры вернулись через сутки со стертыми в кровь руками. Мёрзлая уральская земля приняла всех. Ни крестов, ни надгробий. Холмики могил неизвестных были заметны еще в восьмидесятых годах.

Надя закончила десять классов. И хоть было ей тогда полных 18 лет, на работу никуда не принимали. Решить проблему с трудоустройством помог друг отца. Так девушка попала на хлебозавод. С первой зарплаты была исполнена мечта детства – куплен целый килограмм конфет-подушечек и съеден под чаек за один вечер. Два года Надежда Сергеевна пекла хлеб, но как он растёт,

увидела только в 1964 году, когда вышла замуж и приехала жить в Орду.

Всё здесь было ново и незнакомо. Шагая за мужем по дороге в Беляево, она с интересом оглядывалась по сторонам и удивлялась, как богато здесь живут люди: «На улице лето, а крыши покрыты сеном. Много заготовили. С зимы осталось». Что такое солома, и что соломенная крыша это скорее символ бедности, а не благополучия, она тоже ещё не знала. Здесь же впервые увидела русскую печь. Здесь впервые услышала о лебеде.

Такая трава в Кизеле не росла. Пистики и щавель они ели. Но не от голода, а просто так. Разносолов на столе не было, но и не голодали. Тяжелее было в военные годы, которые она не помнит. Но есть семейная легенда, главный персонаж которой её старшая сестра Маша, родившаяся в 1939 году. На день девочке выдавали кусок хлеба. Отломив кусочек, она прятала остаток со словами: «Это Мане на потом». В середине войны её отправили к бабушке в деревню Камень (Александровский район). Там жилось сытнее. Были хлеб, молоко, картошка. (У родителей коровы еще не было, картошку покупали на базаре в городе за 20 км. Шахтерский поселок не успел обжиться на новом месте. А когда началась война, стало не до этого.) Запасливая Маша и здесь прятала кусочки «на потом». Бабушка после отъезда внучки ещё долго находила её захоронки.

Надежда Сергеевна часто задумывается о том, как сложилась бы жизнь, если бы не было войны. И первое, что приходит на ум – это мысль о папе. Если бы не было войны, он так рано бы не умер. Не осиротели бы её подруги, тоже рано потерявшие отцов. Одни не пришли с фронта, других «съел» шахтный газ и непосильная работа.

Римма Зотова, дочь

Открытие первого
памятника погибшим
землякам в д. Павлово,
9 мая 1965 года

Жить бы здесь да стихи писать,
Да грустить на дорогу глядя.
Чай без сахара попить
И пустые карманы гладить.
И из этого далека
Своей маме прислать открытку,
Рассказать, как старухи рука
Опирается на калитку.
И от горя отцветший взгляд
Провожает чужих немилых:
"Была жизнь, а нече взять.
Трёх сыночков тут схоронила".
И скрипучая тишина
В полумёртвой царит деревне,
Восемь изб и она одна.
Рыжий кот на перилах дремлет...

Жить бы здесь да стихи писать...

Татьяна Южакова

